

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Алтайский государственный педагогический университет»
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук

Серия основана в 1994 г.

Этнография Алтая и сопредельных территорий

Материалы 9-й международной научной конференции,
посвященной 25-летию центра устной истории и этнографии
лаборатории исторического краеведения
Алтайского государственного педагогического университета
(Барнаул, 28–30 октября 2015 г.)

Под редакцией Т. К. Щегловой

Выпуск 9

Барнаул
2015

УДК 39(571.15)
ББК 63.529(541)
Э916

Оргкомитет конференции:

Щеглова Татьяна Кирилловна, доктор исторических наук, профессор (председатель),
Рындина Ольга Михайловна, доктор исторических наук, профессор (сопредседатель),
Фурсова Елена Федоровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Грибанова Наталья Святославна, кандидат исторических наук,
Рыков Алексей Викторович, магистр педагогического образования

Ответственный редактор:

Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор

Э916 Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, 28–30 октября 2015 г.). Вып. 9 / под ред. Т. К. Щегловой. — Барнаул : АлтГПУ, 2015. — 388 с. : ил.
ISBN 978-5-88210-783-2

Издание носит серийный характер. В нем представлены исследования специалистов из ведущих научных центров РФ и стран СНГ по этнографии, истории и культуре Алтая и сопредельных территорий. Разделы сборника отражают наиболее значимые направления современной этнографии. Главной темой конференции являлось рассмотрение этнокультурных ресурсов социоэкономического развития регионов. Традиционным стало обсуждение сюжетов по этнической культуре славянских народов; по истории, традиционной культуре и современному социальному развитию тюркских народов. Дальнейшее освящение получили вопросы, связанные с формами и методами изучения, сохранения и популяризации этнокультурного наследия народов Евразии, а также с развитием устной истории как источника и метода этнологических и антропологических исследований.

Сборник имеет теоретико-методологическую и научно-практическую направленность. Интерес представляют публикации полевых этнографических материалов, оригинальных устных и архивных источников. Издание может быть полезно широкому кругу специалистов гуманитарных наук, а также обширной читательской аудитории.

Материалы конференции демонстрируют вариативность методов, подходов и выводов представителей различных научных центров и школ. Редакционная коллегия оставляет за авторами право на собственную точку зрения.

УДК 39(571.1/5) + 39(5)
ББК 63.3(2Р5) + 63.3(5)

*Организация конференции и издание сборника осуществлены
при финансовой поддержке РГНФ, проект 15-11-22502 г(р)
и администрации Алтайского края*

ISBN 978-5-88210-783-2

© Алтайский государственный
педагогический университет, 2015
© Т. К. Щеглова, составление,
редактирование, 2015

Щеглова Татьяна Кирилловна

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Русские Алтай во второй половине XIX — XX столетиях: культурное многообразие и история формирования научных представлений о локальных группах (к проблеме создания классификации)

Аннотация. Рассматривается история формирования научных представлений о культурном многообразии и локальных группах русского населения Алтая во второй половине XIX — начале XX столетий. Анализируется сибирская историография XIX–XX столетий. На примере материалов Н. А. Ваганова и И. А. Овсянкина выдвигается предположение, что истоками общепринятых научных образов и понятий о русских Алтая являются письменные источники, созданные и опубликованные на рубеже XIX–XX вв. В них автор находит следы устной истории (материалы опросов крестьян). К устным источникам автор относит материалы интервьюирования (устная история), опубликованные и неопубликованные фольклорные материалы. Делается вывод о «сопряжении» письменных и устных источников в формировании представлений о культурных группах русских. На основе этого предпринимается попытка выделить критерии культурных различий и предложить подходы к классификации. **Ключевые слова:** русские, историография, источниковедение, письменные источники, устные источники, Н. А. Ваганов, И. Овсянкин, культурное многообразие, локальные группы, их наименования, критерии, классификация, типология.

История Сибири — это история перманентных переселений и формирования локальных историко-культурных групп русских как титульного этноса. С одной стороны, видовое многообразие русских проявлялось не только в материальной и духовной культуре, но и в поведении населения, что придавало специфику историческим процессам XX столетия, таким как революция, раскулачивание, войны, реформы и модернизации. Как правило, историки слабо учитывают этнокультурный фактор. Игнорирование культурного многообразия негативно влияет на качество научных исторических реконструкций, их адекватность историческому прошлому.

С другой стороны, этнографы при исследовании русского населения Сибири, как правило, независимо от темы (жилище, полотно, керамика, свадебный обряд и т. д.), работая с конкретными группами русских, которые формировались в исторических условиях в контексте тех или иных исторических процессов, опираются преимущественно на авторские полевые материалы и недостаточно привлекают письменные источники, отражающие исторические события. Русское население на протяжении всего XX века хранило следы культурной неоднородности, так как «формировалось на протяжении трех столетий, отличалось культурной мозаичностью, являвшейся следствием импульсивной миграции на территорию региона из разных историко-культурных зон европейской части России, в результате чего возникли самостоятельные этнографические группы сельского населения» [30, с. 119].

Акцентуация на различиях в культуре русских актуализировала дискуссию вокруг таких понятий, как «общерусская культура» и «локальные варианты общерусской культуры». Пытаясь дать им определение, этнографы так или иначе выходят на историю формирования культурных групп русских. На их этнокультурный стандарт влияли как общероссийские факторы, например государственная политика, так и конкретные региональные исторические процес-

сы, природно-климатические и социально-экономические условия, а также этническая и этнографическая среда. Под влиянием этих факторов при общерусских традициях в материальной и духовной культуре формировались локальные варианты. В таком случае общерусская традиция выступала каркасом материальной культуры и сценарием духовной культуры, на основе которых в ходе перманентных переселений на новые территории в процессе адаптации к конкретным условиям формировались локальные варианты — с региональными особенностями традиций и обрядов.

На Алтае, например, фиксируются различия в культуре русских в западных степных и восточных горно-таежных районах Алтая, в зонах контакта с немцами, мордвой или телеутами. При этом надо учитывать, что подобную же шлифовку культура русских переселенцев в Сибирь проходила в предыдущий период в местах исхода, адаптируясь к природно-географической среде и этнокультурной ситуации территории формирования данной группы, ее базовых компонентов культуры. Все эти напластования и составляли содержание культурного стандарта тех или иных групп русского населения. Поэтому изучение русских в Сибири базируется на понимании их культуры как культуры локальных групп, каждой из которых присущи черты, принесенные с прежних мест проживания, и черты, сформировавшиеся на территории переселения. Важным фактором являлось их взаимодействие с представителями других групп русского населения. Культурное многообразие русских учитывается в этнографических исследованиях, но ученые до сих пор не пришли к единым характеристикам и в части определения локальных групп, и в описании их этнокультурного стандарта, а по отдельным группам — и в их происхождении. Вместе с тем в сибирской историографии сложились благоприятные условия для решения этих вопросов.

Одним из назревших вопросов как для этнографии, так и для истории является создание классифи-

кации локальных культурных групп русских Сибири. Это поможет учитывать влияние традиционной культуры на поведение ее носителей в исторических событиях XX в. и существенно повысит качество реконструкций исторического прошлого. В данной публикации автор формулирует несколько тезисов, отражающих результаты систематизации представлений о культурных группах русских в региональной историографии.

1. Культурная мозаичность русского населения Сибири отмечалась еще исследователями-путешественниками XIX — начала XX вв. Их этнокультурные характеристики русского населения мало используются как этнографами, так и историками.

2. Этнографы недостаточно используют источниковый потенциал архивной документации, тогда как в делопроизводственных текстах отложилась информация не только с социально-экономической, но и с культурной характеристикой русских. Среди них материалы регулярных историко-статистических обследований, проводившихся чиновниками Томского губернского правления, Переселенческого управления, начальниками по крестьянским делам, например серия документов «Об отпуске леса переселенцам для строительства» или «О выдаче ссуд на домообзаводство», в которых содержится репрезентативный материал о локальных группах русских. Подобные материалы частично реализованы в публикациях автора [26, 27, 29].

3. За последние десятилетия активизировалось изучение русских Сибири, сформировались региональные центры изучения (Новосибирск, Омск, Томск, Барнаул, Бийск, Красноярск). Подвергнуты анализу отдельные группы русских (чалдоны, казаки, воронежские и др.) и предприняты попытки систематизации материала с обоснованием культурных групп: М. Л. Бережнова [10, 11], Е. Ф. Фурсова [21], М. А. Жигунова [12], А. И. Крих [13], Т. К. Щеглова [27, 29, 30] и др. Выявленное сибирскими исследователями культурное многообразие русских поставило перед ними задачу систематизации представлений о русских с применением методов классификации и типологизации.

4. За последние десятилетия сформированы солидные коллекции полевых материалов в вузах, музеях и научных организациях Алтайского края. Они содержат репрезентативную и достоверную информацию о региональных группах русского населения. В частности, в данной публикации используются полевые материалы историко-этнографических экспедиций, ежегодно организуемых автором с 1991 г.

4. Малореализованными остаются материалы устного народного творчества. Например, одной из малоизученных групп русских на Алтае являются «бергалы». Их следы в исторической коллективной и индивидуальной памяти уже в XX в. были размыты, оставались в виде прозвищ и мало фиксировались исследователями второй половины XX в. [28]. Образ бергалов, их культурная маркировка остались

только в немногочисленных работах фольклористов и самом фольклоре. В данном случае это работы А. А. Мисюрева, известного исследователя и собирателя фольклора горнорабочих демидовских, затем кабинетских рудников и заводов на Алтае [14–17].

Таким образом, на современном этапе сибирская историография и разнообразные комплексы источников дают достаточную информацию об истоках культурных групп русских, об их этнокультурных стандартах, что позволяет приступить к систематизации материалов о русских. В данной публикации автор ставит задачу рассмотреть формирование представлений о локальных группах русских в разного рода источниках, основанных на опросах носителей этнокультурных традиций. Они представлены двумя видами — «письменными» и «устными». Первые создавались современниками (исследователями, статистиками, путешественниками) в период формирования этнокультурной ситуации в среде русского населения Алтая на рубеже XIX–XX столетий. К ним относят опубликованные нарративные и историко-статистические материалы «со следами устной истории» и неопубликованные архивные документы, тоже «со следами устной истории». Вторые создавались этнографами и фольклористами в XX — начале XXI столетий на основе образов и представлений, сформировавшихся в исторической памяти потомков. К ним относятся устные исторические документы — материалы интервью и полевые материалы авторов, памятники устного народного творчества и фольклор.

Представления о культурных группах русских в письменных документах. Опубликованные и неопубликованные письменные документы показывают, что первым уровнем этнокультурной стратификации русских у современников описываемых исторических событий являлось деление на «старожилов» и «переселенцев». Оно было положено исследователями, занимавшимися обследованием сельского населения Алтая в период массовых крестьянских переселений второй половины XIX — начала XX в. К ним относились Н. А. Ваганов, И. А. Овсянкин, П. А. Голубев, С. П. Швецов, М. Швецова, Н. М. Ядринцев, Н. Г. Потанин и др. Их материалы в своей значительной части были собраны во время поездок и бесед с крестьянами. В этом отношении их методы очень близки методам устной истории и этнографии. Суммируя их описания, основанные на опросах крестьян, можно отметить общее в их работах, прежде всего устойчивое использование в быту и повседневной традиции русских Алтая деление на старожилов и переселенцев. В качестве критерия наименования этих групп используется время поселения на конкретной территории и давность проживания на Алтае. А вот дальше и названия групп, и представления о них разнятся. У одних дальнейшая стратификация базируется на территориальной принадлежности по местам исхода (как правило, она относится только к переселенцам — «курские», «воронежские», «самарские» — и не касается старожи-

лов). В таком случае акцент делается на культурных отличиях, сформировавшихся в местах исхода. Другие вводят и иные критерии. Наиболее частым является «инакость» на основе конфессиональной принадлежности. При этом, как правило, она, наоборот, проецируется на старожилов («поморские», «австрийцы», «поляки», «кержаки»). Встречаются и хозяйственно-культурные отличия групп русского населения. В частности, Н. А. Ваганов¹ в «Хозяйственно-статистическом описании крестьянских волостей Алтайского округа» в двух разделах — «Число и состав населения» и «Переселения» — называет группы русского населения, которые на 1882 г. проживали в пределах Алтайского округа. По времени появления на территории округа им выделяются «старожилы»; к ним автор применяет также название «коренное население»; и «переселенцы», к которым он применяет название «новожилы». Про старожилов он пишет, что они «состоят из крестьян, отбывавших до 1861 г. обязательные работы на Алтайских заводах» (т. е. приписных крестьян), к «новожилам» относит крестьян, переселяющихся на территорию округа в поисках «лучшей доли», — крестьянских переселенцев.

Переселенцам Н. А. Ваганов дает названия в зависимости от губернии выхода — «вятчане» (в современных полевых материалах респонденты чаще называют их «вятские»), «пермяки», «курские» (на Алтае используется в наши дни и название «куряне») и другие территориальные группы русских. Можно предположить, что он идет вслед за самоидентификацией опрашиваемых, которые называли себя по названию исходных губерний, подразумевая в том чи-

сле и свои отличия от других территориальных «новожилых» групп русских на Алтае. Также можно предположить, что при самоидентификации в наименованиях и культурном стандарте этнотерриториальных групп подразумевались и отличия в материальной и духовной культуре (одежда, орнамент, обряды и т. д.)

Тот же Н. А. Ваганов вводит и конфессиональный критерий с делением по религиозной принадлежности — на «православных», «старообрядцев» и «единоверцев». В отличие от первого критерия, в указанные группы входили представители как переселенцев-новожилов, так и старожилов. Он отмечает культурные различия между группами сельского русского населения Алтая и по сословной принадлежности — «крестьяне», «казаки». Наконец, для русского населения изучаемого времени он вводит разницу между группами русских по законности проживания в населенном пункте — причисленных до 1880 г., причисленных в период с 1880 по 1882 гг. и непричисленных, ожидающих получения приемного договора от сельского общества населенного пункта. Но, во-первых, эта разница касалась тех групп русских, которые переселились только после открытия округа в 1865 г., во-вторых, этот критерий носил экономический характер и не влиял на культурную идентичность «новожилов».

Анализ материалов И. А. Овсянкина², автора раздела «Колонизация и переселенческое дело» в известном историко-статистическом исследовании под редакцией П. А. Голубева [18], показывает, что он также вводит два уровня стратификации русских Алтая. На первом уровне он выделяет «новоселов» и «старожилов». И тех, и других он именует «пришлыми людьми», отличающимися временем прихода. Отметим, что он не указывает культурных различий между теми и другими. Но вот в отношении старожилов и переселенцев он вводит известные в современной этнографии Алтая наименования «сибиряки» и «россейские». В его работах заложены отправные точки многих современных дискуссий о культурном составляющем термина «старожилы» и соотношении его с термином «сибиряки», а также о соотношении терминов «переселенец» и «сибиряк». С одной стороны, к «сибирякам» он относит всех, кто переселялся на территорию Сибири из Европейской России, при этом подчеркивает, что для них характерно то, что они продолжительное время не могли найти «новую родину», переходя с одного места на другое «каждые пару лет», поэтому он дает им название «самоходы». По контексту к ним относились те же переселенцы, которые, однако, не сразу оседали на той или иной территории, а передвигались в поисках «лучшей доли» в течение нескольких лет. Архивные данные подтверждают это явление, отно-

¹ Николай Александрович Ваганов — участник земско-либерального движения, с 1865 по 1878 гг. возглавлял псковскую уездную земскую управу. С 1881 г. служил чиновником особых поручений при г. министре императорского двора и уделов. Вот как пишет о его исследованиях псковский краевед Н. Ф. Левин: «Более сложной стала начавшаяся 20 мая 1882 г. командировка комиссии, возглавляемой Вагановым, в Западную Сибирь. В нее также вошли его брат Александр (бывший участковый мировой судья Псковского уезда) и статский советник князь Александр Петрович Ухтомский. Им предстояло обследовать огромный Алтайский округ с землями удельного ведомства, в который входили четыре отдельных округа: Кузнецкий, Барнаульский, Томский и Бийский. Перед ними поставили скромную задачу: составление «по документам списка всех поселений округа с показанием числа душ в этих поселениях и количества земли, им отмежеванной». Однако, чтобы обеспечить предполагаемые реформы и прием будущих переселенцев, они по своей инициативе произвели подробное натурное изучение условий хозяйственной деятельности по 18 показателям. В 1885 г. в Петербурге под названием «Хозяйственно-статистическое описание крестьянских волостей Алтайского округа» был издан крупноформатный фолиант с 466 страницами текста, подписанного Н. А. Вагановым, и 68 листами таблиц, содержащих сведения о каждом селении по всем 18 показателям, в том числе четыре большие сводные таблицы по округам и еще одну «простыню» — по всему Алтайскому округу» (http://pskoviana.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1187%3A2013-10-28-13-26-05&catid=105&Itemid=104).

² В исследования Алтая существенный вклад внесли административно-ссылные исследователи-народники, в группу которых входил и И. А. Овсянкин, — П. А. Голубев, Н. М. Зобнин, Н. М. Тыжнов, Л. С. Чудновский, С. П. Швецов.

сящееся именно к переселенцам¹. С другой стороны, И. А. Овсянкин выделяет группу «*коренных сибиряков*» и относит к ним тех, кто проживал в сибирских губерниях до массовых крестьянских переселений после 1860-х гг., а также тех, кто переселялся внутри Сибири, в том числе переселенцев, которые пришли на Алтай из других губерний Сибири. Последнее явление служило важным источником формирования русского населения Алтая, так как он был присоединен к Российской империи лишь в XVIII в., позже на два столетия, чем другие сибирские территории. Поэтому к «коренным сибирякам» он относит переселенцев на Алтай, например, из Тобольской губернии и даже из Семипалатинской области, население которой формировалось, как и на Алтае, в XVIII–XIX вв., а сама область в составе Западно-Сибирского генерал-губернаторства образовалась в 1854 г. [32]. Полевые материалы автора подтверждают, что переселение крестьян на Алтай из Тобольской губернии носило перманентный характер вплоть до 1930-х гг.

Им же по отношению к переселенцам применяется термин «*рассейские*», «*рассейцы*» или «*российцы*». При этом И. А. Овсянкин называет «рассейскими» переселившихся именно из губерний Европейской России, в частности «переселенцев из Тамбовской, Рязанской и Орловской губерний». Таким образом, он закрепляет за наименованиями переселенцев территориальную маркировку, на которую в повседневной жизни стала наслаиваться культурная «инакость». А в ходе адаптации к сибирским природным и этническим условиям формировались культурные группы русских как самостоятельные локальные варианты.

И. А. Овсянкин, так же как Н. А. Ваганов, вводит и второй уровень стратификации русских Алтая — выделение в группах старожилов и переселенцев носителей локальных вариантов культуры русских, чьи культурные стандарты включали конфессиональные, социально-сословные, хозяйственно-трудовые отличия. Он одним из первых выделяет по конфессиональной маркировке среди старожилов самобытную группу, не встречавшуюся в других регионах Сибири², — «*поляков*» (русские старообрядцы, сосланные после присоединения к Российской империи Речи Посполитой). Выделяет по конфессиональным различиям и другую группу старообрядцев — «*каменщиков*». Основное их ядро проживало

и проживает на территории Восточного Казахстана, земли которого ранее входили в состав Томской губернии и Алтайского горного округа. Современное название — «бухтарминцы». От них сформировался ареал старообрядцев, которые расселились в Уймонской долине и проживают в современной Республике Алтай, ранее входившей в состав Алтайского края. Современное название «уймонцы». Про «каменщиков» он пишет следующее: «...Под защитой неприступных скал — „камня“ (горный хребет) нашли себе убежище те, кому в благоустроенному обществу было тесно, жилось трудно. Сюда, в знаменитое „Беловодье“, спасались раскольники от гонений за „веру“, рекруты и солдаты от вечной службы; бежали заводские крестьяне и мастеровые из заводской каторги, крепостные от произвола господ. Вдали от всех стеснений и преследований этот сброд сложился в своеобразное общество „каменщиков“ (горцев), с особыми порядками и собственными, неписанными, но строго исполнявшимися законами. ...Все путешественники говорят о зажиточности, редкой добросовестности, простоте нравов, гостеприимстве, а также о чувстве собственного достоинства, смелости и ловкости [каменщиков, которые]... стремились к бегству от разного рода гнета в европейских губерниях России, пристанище нашли на Алтае».

Важным является и выделение И. А. Овсянкиным группы русских с самобытной культурой, которые и в исторической памяти потомков, и в письменных документах именуются «*бергалы*» и по сути являются потомками мастеровых и рабочих Колывано-Воскресенских горных заводов. Их формирование как самостоятельной группы «пришлых людей» он связывает с развитием горнозаводского производства на Алтае, а толчком к их переселению на Алтай — деятельность А. Демидова, который «...переводит на Алтай мастеров и горнорабочих со своих уральских и олонекских заводов, а в 1738 г. получает разрешение селить при заводах и закреплять за ними «пришлых» людей, исключая беглых». Еще раз подчеркнем, что из внимания исследователей эта группа выпала. Автор в начале 1990-х гг. еще фиксировала в исторической памяти русского сельского населения ряда районов Алтайского края следы воспоминаний об этой культурной группе [28]. Наконец, важным является то, что И. А. Овсянкин относит к старожилам «*казаков*» как «пришлых людей», появление которых на территории Алтая связывает с необходимостью защищать заводы и рудники.

Таким образом, именно И. А. Овсянкин формирует представления о культурных группах старожилов, в отличие от Н. А. Ваганова и С. П. Швецова, уделявших больше внимания переселенцам. Его описания локальных групп русского населения повлияли на сформировавшуюся в XIX–XX вв. историографическую традицию и в истории, и в этнографии — традицию противопоставления старожилов и переселенцев с характеристикой тех и других через разницу не только в материальных компонентах культуры, но и в поведении, и в характере. Например, про пе-

¹ Архивные дела о таких «сибиряках» носят типовые названия, свидетельствующие о переходе из одной губернии в другую или из одного уезда в другой в поисках лучшего климата или земли, наличия леса или воды.

² Определенное сходство можно только найти с русскими Забайкалья, в силу сходных с Алтаем таких исторических процессов, как развитие горнозаводского производства и административно-насильственный путь формирования старообрядческого населения, через ссылку в Сибирь после присоединения Речи Посполитой старообрядцев с Гомельской территории (Старая Ветка). На Алтае их называли «поляки», в Забайкалье — «семейские».

реселенцев он пишет следующим образом: «Наиболее трудолюбивый, умелый, отзывчивый и даже набожный, чем сибиряк-старожил...». Из этого описания в современной историографии устойчивый характер приобрело утверждение о меньшей набожности старожилов, в том числе и в связи с высоким процентом среди них старообрядчества разных толков, и в связи с приписываемым старожилам прагматизмом. Утвердилось и научное мнение об усилении позиций официального никонианства, проявившемся в том числе в массовом строительстве в начале XX в. на территории Алтая храмов и церквей, связанном с переселенческим крестьянским движением из Европейской России. И в той, и в другой трактовке набожность понимается только как отверженность официальному православию.

Таким образом, двумя авторами — Н. А. Вагановым и И. А. Овсянкиным, — работавшими в информационной среде крестьянского мира с помощью опросов и бесед, были введены два уровня стратификации русских Алтая. На первом формирование локальных групп определялось временем переселения, при этом население, сформировавшееся до 1865 г., именовалось «старожилами». Как правило, оно формировалось из населения северорусских и других территорий, свободных от крепостного права, и собственно сибирских губерний, население которых сформировалось в период освоения Сибири в XVI–XVIII вв., также преимущественно с северных территорий, не входящих в сектор помещичьего землевладения. Можно предположить, что именно на основании длительного «времени проживания в Сибири» у старожилов сформировалась и психология собственников. Это подтверждают и многочисленные семейные предания в семьях старожилов, полученные в ходе полевых исследований автора в 1990–2010 гг. Их анализ показывает, что критерий давности переселения нужен был для обоснования монополии на землю: «Говорят, [отец] бежал, захватывал землю, бежал, бежал, пока не упал, лег, а руки тянет, чтоб больше захватить» [2].

Об этом же говорил кержак с. Усть-Калманка И. А. Медведев. Имеет смысл привести пространную выдержку: «Я здесь родился. Мой прадед зачинал село это — Калманку. С России они шли. Земли эти заселять. Тогда назывались ходоками. Из Барнаула шли по реке, облюбовут место, где можно поставить [село]: „Кто остается?“ — „Я“. — „Оставайся здесь“. Так и дальше, и дальше, дальше, и все туда — пока Чарыш не кончился. Все заселяли так. Мой прадед вот здесь облюбовал и поселился. Как его звали, не помню... Дед у меня девяносто девять лет прожил. Давыд Палыч был. Прадеды село основали. Это уже деды рассказывали мне... Когда мой прадед организовал эту Калманку, нарезал [свою землю], щас вот Новый Чарыш [с. Чарышское, Усть-Калманский район], от Ново-Чарышу под Коробейниково [Усть-Пристанский район] нарезал туды землю под Михайловку, от Михайловки вдарил под Ново-Калманку. Так! Огни обошел и с Ново-Калманки на Ельцовку повер-

нул. От Ельцовки отрезал вот эту Пролетарку. Сюды, так, за Чарыш. Вот так и нарезал. Столбы поставил — это земля его. Все. Кто будет заселяться, он будет тем земли давать. Так? Он самый первый сюда пришел. Мой-то дед кержак был, заселял-то... Когда „россейские“ приезжали и им нарезали. Земли много было. Она вся в запасе была в их [старожилов]. Вот щас, в 29-м году [1929] Чарышский совхоз построился, от моста щас и туды до Пономарей [У.Калманский р-н] и до самой... там была Васильевка, Ясная Поляна, туды [в сторону Алейска]... Мой прадед, который заселял, он когда это все захватил... Вот, щас Ельцовка падает, Землянуха, Ново-Калманка падает — три речки сошлись. Дак вот, он тут захватил, и прямо вот так отступил, там же камыш, где машину строить надо. Вот тут сделал себе мельницу, эта мельница у его работала на три жернова. Не успевали выгребать [муку]. Дак вот, у его три сына было: дед мой — Давыд; Трофим, Павел. Тогда, когда делился... Отец как делит своих сыновей — што тебе дал. Дом поставил, скотины сколько дал...» [1, с. 260–262].

На втором уровне и Овсянкиным, и Вагановым, и другими осуществлялся поиск критериев формирующихся локальных групп русского населения внутри старожилов и внутри переселенцев. Для старожилов уже в конце XIX в. вырисовались конфессиональный и социально-сословный критерии, для переселенцев — этнотерриториальный критерий. Формировавшаяся с конца XIX в. стратификация не являлась завершенной. В частности, исследователи не определились с использованием термина «сибиряк». Одни считают, что так называли себя старожилы, противопоставляя себя переселенцам и тем самым утверждая свое право собственности на землю, лес, луга и т. д. Есть противоположная точка зрения, согласно которой термин «сибиряк» ввели переселенцы, но по отношению не к старожилам, а к самим себе, т. е. переселенцам, — для закрепления своего статуса жителей Сибири, как противодействие их отторжению старожилами.

Точки соприкосновения исследователей XIX и XX вв. Современная историография. На современном этапе конкретизацией понятия «сибиряк» занимается ряд сибирских исследователей — Е. Ф. Фурсова, М. Л. Бережнова, М. А. Жигунова, А. А. Крих, Б. Е. Андюсев, Т. К. Щеглова и др. Представляется важным обобщить подходы в толковании «сибиряка». Сделать это в рамках одной публикации невозможно, но обозначить опорные точки отсчета можно. Первой точкой отсчета является культурная составляющая этой группы русских. Здесь исследователи делятся на две группы: тех, кто признает, и тех, кто не признает за «сибиряками» культурно-этнографическую сущность. В частности, Е. Ф. Фурсова считает, что «термин „сибиряки“ имеет топонимическое происхождение... он не несет этнографической нагрузки» [22, с. 49]. И, наоборот, Б. Е. Андюсев разрабатывает понятие «сибиряка» как субэтноса, т. е. как общности со сформировавшимся осознанием своей идентичности [20]. Заметим, что, как и

применительно к «сибиряку», можно поставить вопрос об этнографичности таких категорий, как «старожил» и «переселенец». Формирование их «инакости» имело многофакторный и комплексный характер. Есть критерии, которые относятся и к старожилам, и к переселенцам. Так, собственно, и старожилы, и переселенцы часто формировались по территориальному принципу. Если группу переселенцев составляют «пензяки», «рязань», «куряне», «тамбовские», «воронежские» и др., то в группу сибиряки входят и тобольцы, и енисейские и др., тем более, что по отношению и к старожилам, и к переселенцам относится емкий термин исследователей XX в. «пришлые люди». Поэтому имеет право на существование и точка зрения М. Л. Бережновой о том, что возникший во второй половине XIX в. термин «сибиряки» относился к детям «переселенцев 60–80 гг. XIX в.»: это люди, «родившиеся и выросшие с Сибири, но в сознании старожилов к ним еще не относящиеся... Сибиряки, таким образом, занимают промежуточное положение между старожилами и переселенцами» [10]. Подтверждение этой точки зрения также можно найти и в письменных, и в устных источниках. В частности, в документах известной сельскохозяйственной переписи 1917 г. встречаются свидетельства того, что переселенцы, прожившие в населенном пункте определенный промежуток времени, называли себя «сибиряками». Тем самым они демонстрировали факт проживания в Сибири, право принадлежности к «старожилам» и таким образом фиксировали свое отличие от родителей, не являвшихся по происхождению сибиряками. Об этом же говорят и семейные истории: «Коренные жители — сибиряки. Они пришли, наши прадеды, один пришел с Воронежа, с Курска — Гончаров — отец матери. Они приехали в Сибирь и стали называться сибиряками, а может, они коренные. Когда они сюда приехали, я этого не знаю» [5].

В целом все многообразие сформировавшихся в сибирской историографии подходов к определению «сибиряков» сводится к представлениям о времени появления этого понятия и принятием или отрицанием этнографического или культурного содержания термина. Причем эти дискуссии возникли не в наши дни, а тянутся с XIX в., когда еще А. П. Щапов [25] и С. С. Шашков [24] в первой половине XIX в. пытались через обоснование сибирского типа русских противопоставить европейскую и азиатскую части России в рамках теории о колониальном положении Сибири. Эти представления нашли отражение и у современных исследователей. Промежуточные итоги двухсотлетнего обсуждения проблемы были подведены Е. Ф. Фурсовой и М. А. Жигуновой, выделившими 5 точек зрения о содержательной константе «сибиряков»: «1) люди, живущие на территории Сибири (без этнической окраски); 2) люди, родившиеся и долго живущие в Сибири; 3) коренные местные жители Сибири (аборигены); 4) особый тип людей (преимущественно русских), обладающих сибирским характером: сильные, выносливые, трудо-

любивые, гостеприимные, демократичные, добрые, щедрые, толерантные, с хорошими адаптационными способностями, любящие мороз и зиму и др.; 5) особая «смешанная» общность, сложившаяся на основе русских, с вкраплениями представителей казахского, татарского, украинского, белорусского и др. этносов» [12]. В итоге можно констатировать, что, несмотря на отсутствие четкой структуры состава русских Сибири, характеристика различных категорий так или иначе прорабатывалась исследователями, но их научное осмысление еще не завершилось.

Представления о культурных группах русских в устных источниках. Деление всего многообразия источников на две группы, устные и письменные, довольно условно. Анализ опубликованных источников показывает, что в основе их, как опубликованных, так и неопубликованных (среди последних значительную долю составляют архивные делопроизводственные документы) лежит «устность», так как многие из них составлялись на основе материалов опроса. Это относится равным образом к группе опубликованных нарративных или историко-статистических исследований (Н. А. Ваганов, И. А. Овсянкин), и к неопубликованным архивным документам, — то, что автор предлагает назвать «следы устной истории в письменных документах».

К собственно устным историческим источникам автор относит традиционные полевые материалы этнографов (полевые дневники), а также аудиоматериалы интервью (устная история), полученные с помощью вопросников, соответствующим образом затранскрибированные, документированные и архивированные, т. е. выполненные в соответствии с методикой такого направления исторических исследований, как устная история. Вторую группу составляют материалы устного народного творчества — собственно фольклор (пословицы, были, былички, сказания, легенды) и фольклорные продукты (мифологизированные семейные истории и предания).

Различие между письменными и устными документами, как уже говорилось, состоит в том, что первые составлялись по «свежей памяти», т. е. опрос велся (исследователями или чиновниками по крестьянским делам) непосредственно в момент событий (переселения, освоения), вторые — спустя значительное время, поэтому первые более конкретизированы, вторые более обобщены и стремятся к мифологизации.

Большое влияние на историческую память оказывали и исторические процессы, события и явления XX столетия, государственная политика и идеология. Поэтому современным этнографам приходится больше работать со сформировавшимися образами в исторической памяти. Лучше сохранилась историческая память у более поздних переселенцев 1910–1920-х гг. Закрепляла память традиция формирования поселенческой инфраструктуры путем крестьянских расселений группами к местам производственных угодий или с целью освоения новой целины и традиции свободной застройки сел — «краями».

Отселение на выселки из одного села, создание заимок или формирование по периметру исторического ядра села новых краев деревни культурными группами русских, как правило, сохраняло этнотерриториальную кучность, что отражалось в названиях деревень или краев — «Рязань», «Курск», «Тамбов», «Сибирь». Эта традиция была прервана национальной политикой советского государства, когда этничность и этнографичность как культурные составляющие ушли из набора повседневных отношений и ценностей, и на первый план вышла «национальность» или «нация». Этот фактор отражается в попытках потомков определить свое происхождение: «Ясную Поляну засели многие нации [переселенцы 1920-х гг.], были *курские, рязанские*. Много наций было. Но удержались наши — черниговские, трудящийся народ. Ясная Поляна дружная была. Сюда [в Закладное] приехали [переехали]; кажется, мы чужие. Жили все дружно. Переселили немцев с Поволжья, приняли их и жили дружно. Соседи были немцы, помогали друг другу... Говорят, что у хохлов стрижка была, хохлы (пучок волос) оставляли. Мы заселялись в Сибирь с 1926 г. Тогда была Черниговская область. Это центр. Я русская, родители писались русские... начали заселяться в Сибирь. Тогда ходоками называли. Собрались несколько семей. Везли их на товарняках и высадили у озера. Дети заболели. Климат другой... Это было в сентябре, потом везли ямщики. Командировка им была на Гилев Лог [Волчихинский район], но до него они не доехали, доехали до Закладного [Романовский район]... Мы первые новосела — дома понастроили, канавки откопали¹. В Ясной Поляне наши были первые новосела» [1, с. 92–93].

Таким образом, сначала в источниковедении, затем в сибирской историографии XX столетия сформировались два уровня стратификации русских Алтая (и Сибири): на первом уровне — старожилы и переселенцы (эти термины являются общепринятыми в современной историографии); на втором уровне внутри этих двух групп выделяют локальные группы (вятские, тамбовские, кержаки, австрийцы или поляки). Группы второго уровня были более субэтничны: они сами называют себя «тамбовские», «рязанские», в отличие от первого уровня, так как в обыденной практике термины «старожилы» и особенно «переселенцы» как самоназвания используются реже. Но в региональной этнографии культурные маркеры и старожилов, и переселенцев в основном определены. В культурной стратификации второго уровня, наоборот, проще объяснить наименования групп, т.к. они вытекали из названий территорий исхода, а вот научных описаний их «культурной инакости» мало. Это приводит и к дискуссиям в определении этнографической принадлежности: одни определяют эти локальные группы русских как этнотерриториальные, другие — как этнокультурные или как этнографические и т. д.

¹ Устойчивая традиция русских Алтая «огораживать» канавами усадьбы и огороды.

Но, так или иначе, в научную терминологию перешли и используются самоназвания переселенцев, отражающие в первую очередь административно-географическую маркировку территории исхода (смоляне, самарские, орловские и т. д.). Самоназваний переселенцев придерживались и исследователи конца XIX — начала XX столетий. Они, идя вслед за крестьянами, опросы которых давали им основной источниковый материал, стали использовать их самоназвания в своих отчетах и публикациях. На основе этих самоназваний выстраивались отношения «свой—чужой» в мозаичном культурном русском крестьянском мире. С одной стороны, это привело к формированию в народном сознании образов, которые сейчас сохраняются в исторической памяти в виде семейных преданий о происхождении дедов и прадедов и семейных историй об их переселении в Сибирь. С другой стороны, эта же административно-географическая маркировка перешла в делопроизводственный язык, так как использовалась чиновниками по крестьянским делам, чиновниками Переселенческого управления и других учреждений и ведомств, что отражается в архивных документах. Можно предположить, что утвердившиеся в современной научной литературе названия — «рязань» («рязань», «рязанские»), «тамбов» («тамбовские»), «воронежцы» («воронежские»), «пензяки» и др. первоначально перешли в научный словарь из документов, составленных на основе опросов крестьян, т. е. из крестьянского языка они переключались в научный.

Таким образом, относительно культурных групп переселенцев можно согласиться с тем, что именно к ним применима формулировка «этнотерриториальные группы» русских. Сложнее определиться с группами старожилов. Хотя именно в изучении старожиловских групп достигнуты наибольшие результаты, одновременно с этим сохраняется много дискуссионных моментов. В качестве примера приведем материал по этнокультурным стандартам старообрядческого русского населения Алтая. Несмотря на разнопорядковые факторы формирования той или иной локальной группы старообрядцев, причины их культурного обособления были понятны, так же как понятно и влияние на культурную «инакость» других факторов, таких как поликультурное окружение, природно-климатические условия и т. д. Более понятен путь формирования наименований групп, их культурного и социального портрета у «поляков» («семейские» в Забайкалье), «австрийцев» (белокриницкого согласия), «уймонцев», «бухтарминцев», «поморцев». За ними стоят не только административно-географические координаты, но и модифицированные базовые и периферийные элементы культуры, вызванные конфессиональными принципами и ценностями. Значительное влияние на их этнокультурные стандарты оказывали исторические маршруты ухода от преследований царской власти (в «народной этнографии» отличительными чертами «поляков» являлась не характерная для других групп старообрядцев, например поморцев, привержен-

ность к ярким цветам). Сложнее понять пути формирования и этнографическое содержание такой группы русских, как «чалдоны». Совершенно мифологизированы представления о «кержаках». Отсутствуют представления об этнографичности «молокан» и т. д.

Это создает трудности в определении границ той или иной культурной группы старожилов, в том числе в определении их критериев. Автором неоднократно предпринимались попытки ввести культурную классификацию русского старожильского населения Алтая, определить критерии «культурной инакости», картографировать их географическое размещение. Предлагаются пять параметров этнокультурной стратификации русских старожилов: сословно-социальный, конфессиональный, хозяйственно-культурный, лингвистический и межкультурный. В определенной степени они распространяются и на переселенцев, но для них изначально более актуальным в формировании «культурности» являлась территория исхода, на которой сложились базовые компоненты их этнографичности. Таким образом, основными критериями предлагаются традиции в базовых сферах традиционного доиндустриального общества, в таком случае можно увязать критерии и культурную идентичность.

1. «Сословно-социальная дифференциация и культурная идентичность» — «крестьяне» («мужланы»), «казаки», «бергалы» и др.

2. «Конфессиональная дифференциация и идентичность» — «староверы» и «мирские», синонимами «мирских» выступали «россейские», «православные», «сибиряки», внутри староверов — «кержаки», «поморцы», «поляки», «австрийцы». В современной информационной среде сельских поселений приходится работать со сформировавшимися стереотипическими образами разных локальных групп, однако конфессиональный признак является самым устойчивым, как, например, в данном высказывании, где путаются этнокультурные группы, но устойчивым остается именно конфессиональный признак: «Кержаки, сибиряки — все разные. Одни едят и пьют вместе, а старообрядцы тебе не дадут попить. Вино пьют из одной плошки, а воду — из другой. Бог у них у каждого свой» [1, с. 380].

3. «Хозяйственно-культурная дифференциация и идентичность» — «чалдоны», «вятские». Этот критерий близок к хозяйственно-географической дифференциации — «тоболяки», «пензяки», «рязаны» и др., о которых еще в XIX в. писали (С. П. Швецов, Н. А. Ваганов, И. А. Овсянкин и др.), что они «селились кучками» и «жались друг к другу». В информационной среде сельских поселений особенно много присловий о вятских в восточной лесной и таежно-предгорной зоне [31].

4. «Лингвистическая дифференциация и этнокультурная идентичность», например, «кержаки»: «Ну-к ты, Агань, иди скажи Агашке, пусть притащат Аганьку» — или «воронежские», «тамбов», «куряне» — «Хришка, хорох хорит». Русские дифференцировались по говору, диалекту, манере говорить. Так,

про кержаков утверждали, что они говорят «как-то необдуманно, непрожевано». Лингвистические различия как культурную грань между разными группами русских информанты отмечают сами: «Мои родители коренные, не пришлые, мои родственники — сибиряки. Люди одинаковые, но чем-то отличались. Был разговор другой. Наших [российские] звали челдонами, сибиряков. Наверное, неправильно говорили, а российские говорили лучше» [6]. При этом лингвистическая грань лежала как между старожилами и переселенцами, так и между разными группами у старожилов и у переселенцев: «Мы когда приехали, разговаривали „чаго“, „где“, а оне все — „чего“ да „когда“» [7].

5. «Межэтническая дифференциация и межэтническое взаимодействие», например, «кацапы» — русские из черноземных губерний Центральной России, порубежных современной Левобережной Украине; русские с «юртами» среди телеутских «татар» (образ «других» — коренных «тюрок» в представлениях русских) [31]. Сами жители села Кабаново Шипуновского района говорят: «Две трети у нас хохлы и одна треть — кацапы, а вообще много староверов».

Каждую из групп русских в соответствии с тем или иным критерием можно рассматривать отдельно с определением условных границ культурного стандарта, который сохраняется в памяти потомков. На современном этапе названия локальных групп русских, как правило, используются механически, но с осознанием культурных меток, отличающих одну группу от другой. Эти метки состоят уже скорее не столько в материальных признаках (материальные метки имели большое значение в период осознания «инакости» и формирования образов), сколько в поведении, предпочтениях, ценностях, ментальности, привычках и в обрядовости.

Рассмотрим эти утверждения на примере одной из групп русских — «кацапов» — в условиях межэтнического взаимодействия с украинцами как на территории исхода, так и на территории переселения (пятый критерий). Очень интересные представления о «русскости» и «украинности» сложилось в контактных территориях переселенческой зоны Алтая — в Романовском, Панкрушихинском, Каменском, Мамонтовском районах. По историко-этнографическому районированию это периферия западной степной переселенческой зоны Алтайского края — граница с его центральной историко-этнографической лесостепной зоной. Как правило, население этих зон представлено смешанными русскими и украинскими переселенцами. И те, и другие выселились из одного мегарайона Российской империи — порубежных территорий Левобережья современной Украины (ранее Полтавская, Харьковская, Екатеринославская, Черниговская губернии) и южного Черноземья современной России (раньше Орловская, Курская, Тамбовская, Воронежская губернии). Большое влияние на культуру и тех, и других переселенцев оказала схожесть природной среды как источника формирования культурных традиций земледельцев степей,

что в определенной степени отразилось в формировании терминов «хохлы» и «кацапы». На Алтае переселенцев из этих зон независимо от этнической принадлежности (русские или украинцы) русские старожилы часто путали. Закрепляли культурную похожесть на Алтае южнороссов (русские) и малороссов (хохлы), входивших в единый поток переселений начала XX в., и традиции селиться в соседних или в одних и тех же населенных пунктах, в отличие от восточных районов Алтая с высокой долей русских старообрядцев, где и «южнороссы», и особенно «хохлы» становились «иными», «непохожими», даже «чужими», например, в силу пристрастия хохлов к табаку или приверженности южнороссов к яркости и многоцветью в декоративной культуре. Именно в силу «переопыления» культур русских и украинцев под влиянием природно-географических условий и межэтнического взаимодействия они воспринимались русскими старожилами как культурные явления одного порядка. Но между собой переселенцы этого мегарайона различали друг друга, маркируя «инакость» прозвищами южнороссов («кацапы») и малороссов («хохлы»). «Кацапы» как название одной из групп русских широко распространено на Алтае, особенно в западной и в центральной историко-этнографической зонах: села Столбово, Верх-Аллак Каменского района, с. Кабаново Шипуновского района, с. Верх-Грановка Романовского района и др. При этом «кацапами» в этих селах называли всех русских, так же как всех украинцев называли «хохлами». Так, вышедшая замуж за хохла информантка, переселенка из Рязанской губернии, так говорит про себя: «Хохлы, нас так звали. А хохлы подстригались и „хохлы“ [волосы] оставляли, так хохлами и называли. Дед у меня Сергей, мы Сережины были. Он жил на Ясной поляне [образован в 1920-е гг. переселенцами]. Он с Рязани» [19, Жига (Кабанова) Анна Трофимовна, с. Закладное]. Сами себя они в интервью не всегда идентифицируют как «кацапов», чаще их так называли, в отличие от хохлов, которые признают себя «хохлами». Сами же они себя называют русскими: «Мои родители: отец — украинец. На головах волос — хохолки. Мать была русская. Я — русская» [8].

Дальнейшие процессы и события вносили коррективы в культурные стандарты «кацапов» и «хохлов». Они имели разновекторную направленность — от интеграции до обособления локальных вариантов. Среди причин изменения культурных стандартов «кацапов» и «хохлов» на Алтае были высокая частота межэтнических браков, с одной стороны, и перманентные притоки украинцев в период сельскохозяйственных переселений или целины, с другой стороны. Иллюстрацией служит отрывок из интервью женщины из смешанной русско-украинской семьи, относящей себя к русским, вышедшей замуж за украинца-первоцелинника. Вот как она видит разницу между местными алтайскими «хохлами» и приехавшими на целину «украинцами»: «В 1954 г. приезжали целинники. Тогда и в замуж вышла. У Ива-

на Ивановича все предки — украинцы. Хохляцкий язык схож с украинским. Хохлы [жили в селе вместе с русскими с основания села] — вредные и противные». [9]. В ее же рассказе показано влияние поздних переселенцев-украинцев на алтайских «хохлов» и «кацапов»: «Мама (свекровь) говорила по-украински. Но сама не понимала украинский. Быстро научила. „Приняси менэ паляницу“ — я принесла метлу, а оказалось, что паляница — булка. Знаю два языка». При этом в одних сферах культурного стандарта происходило «переопыление» культур, в других сохраняли значение этнические метки. Как правило, роль метки долгое время несли традиционная кухня и вкусовые пристрастия. В ее рассказе это проявляется в следующем отрывке: «Украинский борщ был со свеклой, сало, пампушки. Пампушки с чесноком, с маком: дрожжевое тесто раскатывали, резали на ленты. Мазали чесноком и маслом... Делали квас свекольный: свеклу ложили кружочками в банку, добавляли дрожжи. Борщ: свеклу порежешь, кладешь мясо, капусту, в конце картофель; мясо добавляли утиное, гусиное или свиное» [9].

Таким образом, выработанные в отечественной историографии уровни культурной дифференциации русских Алтая и Сибири в целом не являются окончательными. Методологическая перспектива усовершенствования разработанных исследователями подходов содержится в предложенной Я. В. Чесновым концепции разграничения понятий классификации и типологизации (типологии). Под классификацией понимается выделение групп по одному значимому признаку, наличие которого являлось причиной образования группы: например, конфессиональная непримиримость значительной части русских по отношению к реформам православной церкви Никоном и появление старообрядцев, среди которых можно выделить типы: кержаки, австрийцы, поляки, семейские, уймонцы, каменщики, бухтарминцы и др. При этом уровни этнокультурной стратификации могут определяться и сочетанием признаков из разных критериальных групп классификации. Например, формирование тех же чалдонов по полевым материалам демонстрирует смешение двух критериев — конфессионального и хозяйственно-культурного, так же как в понятии «казаки» произошло смешение социально-сословного и хозяйственно-культурного критериев. Поэтому дальнейшее развитие данной классификации требует введения в соответствии с подходом Я. В. Чеснова и типов — «комплекса признаков (свойств)» [23, с. 191].

Еще одним принципом систематизации представлений о локальных группах русских является сопоставление обыденных и научных представлений о культурной «инакости». При одних истоках их формирования необходимо критически относиться к устным источникам как основанным на исторической памяти, а не на непосредственной ситуации. Так, анализ сформировавшихся в устной истории образов (то, что автор называет «народной этнографией») показывает необходимость учитывать осо-

бенности исторической памяти, ментальности, обыденных представлений и т. п. Как правило, в материалах интервью массово присутствует образ разных групп и типов русских. Иллюстрацией этому служит следующая цитата: «Сибиряки наших-то вот российскими называли, а так-то мы в Сибири жили. Было раздельно, на Луговой жили сибиряки, а наши, приезжие из России, российскими звались» [3]. Но народные образы в устных исторических источниках могут быть взаимоисключающими, противоречить друг другу или иметь разные отправные точки и параметры сравнения, содержать разноуровневые характеристики, как в данных отрывках: «Сибиряки? Они были чистоплотные, а вот наши родители, воронежские, как, прости господи, грязнули были. У них все было чисто. А сибиряк был очень хороший, и люди были хорошие, лучше. Рабочие были. Совежливые, и откровенные» [4] — или противоположная оценка: «Сибиряки — в сторону [разрозненно], а российские — вместе» [7]. В первом отрывке оценка дается на основе сравнения бытовых традиций старожилов лесостепной и таежной зоны, связанных с развитым скотоводством (маркерами выступают срубное строительство, кожаная обувь и др.), с бытовыми традициями переселенцев из степной России (глинобитное строительство и лапти). Во втором случае речь идет о традициях взаимоотношений в среде старожилов и в среде переселенцев. По оценке старожилов, взаимоотношения выстраивались в обществе укоренившихся крепких собственников, где важным фактором выступала экономическая самодостаточность крестьянского двора. В оценке «российских» демонстрируется ситуация, когда в переселенческих сообществах важным фактором единения являлось совместное преодоление трудностей при переезде из Европейской России в Сибирь и обустройстве на новом незнакомом месте в старожильской среде, которая не всегда была доброжелательной. Таким образом, существовала объективная почва и под положительными оценками, и под недоброжелательными отзывами.

Подводя итоги, необходимо констатировать, что обширная разнородная источниковая база и значительные достижения сибирской историографии в изучении культурного многообразия русских по-

зволяют систематизировать локальные группы русских по этнокультурным признакам. Теоретическим подходом может служить вариант систематизации культурных стандартов русского населения, основанный на разделении методов классификации и типологизации. При этом классификация рассматривается как первый этап систематизации, посредством которого выявляются существенные признаки культурного стандарта, а в основу типологии лучше положить сочетание нескольких признаков для определения устойчивости выделенных типов. На наш взгляд, классификация русских Алтая важна не только для этнологических, но и для исторических исследований, в том числе исследований адаптации русских и «других» в условиях «потрясенный» XX столетия, советской и постсоветской модернизации.

Shcheglova Tatiana

Altai state pedagogical University, Barnaul, Russian Federation

Russian population of Altai in the second half of the XIX–XX centuries: cultural diversity and history of formation of scientific concepts of local groups (about the problem of development of classification)

The article deals with the history of formation of scientific concepts of cultural diversity and local groups of Russian population of Altai in the second half of the XIX century — the beginning of the XX century. The author analyzes Siberian historiography of the XIX–XX centuries. Through the example of N. A. Vaganov and I. Ovsyankin's materials the supposition that the sources of generally accepted scientific notions and concepts of Russian population of Altai are presented by written sources created and published at the turn of the XX century is made. The author finds signs of oral history (peasants' enquiries materials) in these sources. The author considers interview materials (oral history), published and unpublished folklore materials as oral sources. The conclusion about «coupling» of written and oral sources in the process of development of concepts of Russian cultural groups is made. This conclusion constitutes the basis for the attempt to define criteria of cultural differences and work out approaches to their classification. **Keywords:** *russian population, historiography, source studies, written sources, oral sources, N. A. Vaganov, I. A. Ovsyankin, cultural diversity, local groups, their names, classification, criteria.*

Источники и литература

1. Алтайская деревня в рассказах ее жителей / под науч. ред. Т. К. Щегловой, Л. М. Дмитриевой; под ред. Виганд Л. А. Барнаул: Алт. дом печати, 2012. 447 с.
2. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2000 г.: Мамонтовский район, с. Черная Курья, Токарев Степан Руфинович, 1918 г. р.
3. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2001 г.: Кытмановский район, с. Кытманово, Гололобова М. М.
4. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2000 г.: Мамонтовский район, с. Островное, Тюшнякова Анастасия Павловна, 1908 г. р.
5. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2001 г.: Кытмановский район, п. Каменка, Долматов Виктор Александрович, 1934 г. р.
6. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2001 г.: Кытмановский район, с. Семено-Красилово, Тузовских Мария Евгеньевна, 1924 г. р.
7. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2001 г.: Кытмановский район, с. Кытманово, Касмынина Александра Яковлевна, 1911 г. р.
8. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Романовский район, с. Закладное, Афонова Валентина Петровна, 1911 г. р.
9. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Романовский район, с. Закладное, Бойко Валентина Дмитриевна, 1937 г. р.

10. Бережнова М. Л. Группы русских Сибири [Электронный ресурс] // История. Культура. Общество: Междисциплинарные подходы. Программы специализированных курсов и тексты лекций. М., 2003. URL: <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=724>, доступ свободный (19.04.2014).
11. Бережнова М. Л. Загадка челдонов: история формирования и особенности культуры старожильского населения Сибири. Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. 265 с.
12. Жигунова М. А., Фурсова Е. Ф. Русские [Электронный ресурс] // Историческая энциклопедия Сибири. URL: <http://sibhistory.edu54.ru/index.php?title=%D0%A1%D0%98%D0%91%D0%98%D0%A0%D0%AF%D0%9A%D0%98>, доступ свободный (04.03.2014).
13. Крих А. А. Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века). Омск: Изд. дом «Наука», 2012. 296 с.
14. Легенды и были. Фольклор старых горнорабочих Южной и Западной Сибири / [предисл. М. Азадовского]. 2-е дополн. изд. Новосибирск, 1940. 232 с.
15. Мисюрев А. А. Бергалы: рассказы о Колывано-Воскресенских заводах. Новосибирск: Запсибкрайгиз, 1937. 126 с.
16. Мисюрев А. А. Легенды Горной Колывани / вступ. ст. С. Залыгина; сост. А. М. Родионов; худ. Т. Аскинази. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. 295 с.
17. Мисюрев А. А. Легенды и были: сказания алтайских мастеровых / записи, ст. и примеч. А. А. Мисюрева; предисл. М. К. Азадовского. Новосибирск: Новосибгиз, 1933. 132 с.
18. Овсянкин И. Колонизация и переселенческое дело // Алтай: Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск: Тип.-лит. Михайлова и Макушина, 1890. 427 с.
19. Сборник воспоминаний граждан Романовского района о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Рукопись. Ч. 1. Женщина и война. Ч. 2. Дети войны // Архивный отдел администрации Романовского района. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.
20. Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: материалы V Всерос. науч.-практ. интернет-конф. на сайте sib-subethnos.narod.ru. 15 янв. — 15 мая 2009 г. Красноярск, 2009. URL: elibrary.ru/docview/2011/05 (дата обращения: 07.09.2015)
21. Фурсова Е. Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX — XX вв.) Ч. 1. Обычаи и обряды зимне-весеннего периода / Рос. академия наук, Сиб. отд-ние. Ин-т археологии и этнографии; отв. ред.: Ф. Ф. Болонев, И. Н. Гемуев. Новосибирск: Агро, 2002. 286 с.
22. Фурсова Е. Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX — начало XX вв.). Новосибирск, 1997. 152 с.
23. Чеснов Я. В. О принципах типологии традиционной бытовой культуры // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 189–192.
24. Шашков С. С. Очерки Сибири в историческом и экономическом отношении // Библиотека для чтения. 1862. № 10, 12; Исторические очерки. СПб., 1875.
25. Шапов А. П. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Известия Сиб.отдела РГО. 1872. Т. 3. № 3; 1973. Т. 3. № 5.
26. Щеглова Т. К. Крестьянское срубное домостроительство на юге Западной Сибири в 1830–1930-е гг.: возможности заготовления и условия доставки «избенного материала» (срубного леса) // Баландинские чтения: сб. ст. науч. чтений памяти С. Н. Баландина, 15–18 апреля 2014 г. Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. академия, 2014. Т. IX. Ч. 1. С. 42–49.
27. Щеглова Т. К. «Народная этнография»: представления об этнокультурных и этносоциальных группах в современной деревенской среде // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 4. / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. Барнаул: Изд-во Барнауль. пед. ун-та, 2001. С. 35–44.
28. Щеглова Т. К. Представления о «здоровом жилище» в повседневных практиках 1880–1920-х гг. и возможности крестьян юга Западной Сибири в выборе и заготовке «избенного леса»: «ферменты» устной истории в «старых документах» и «новые» устные исторические источники / История и историография России и Сибири в исследовательском и образовательном контекстах: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию проф. Е. И. Соловьевой, 65-летию проф. В. А. Зверева и 70-летию каф. всеобщей истории, историографии и источниковедения НГПУ (Новосибирск, 15–16 апреля 2014 г.) / под ред. В. А. Зверева, К. Б. Умбрашко; М-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. С. 225–231.
29. Щеглова Т. К. Русское население Алтайского края: формирование, состав, численность // Краеведческие записки: вып. 8 / Упр. Алтайского края по культуре, Алт. гос. краевед. музей. Барнаул: ОАО «ИПП «Алтай», 2009. С. 119–134.
30. Щеглова Т. К. Русское население Алтайского края: этнокультурное многообразие и идентичность // Народы Евразии: этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. Новосибирск, 2005. С. 111–124.
31. Щеглова Т. К. Экономическое, социальное и культурное развитие Прииртышья и Приобья в XIII — начале XX в. Введение // История Казахстана и России в документах: Прииртышье и Приобье в XVIII — начале XX в.: сб. док. / под ред. Т. К. Щегловой, Г. Е. Отеповой, А. В. Контева. Барнаул; Павлодар: АлтГПА, 2013. С. 141–152.
32. Щеглова Т. К. «Домообзаведение» сельского населения юга Западной Сибири в 1880–1960-е годы: устная история как источник и метод по истории крестьянства в прошлом и настоящем, Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы X междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию освоения целинных и залежных земель (Омск, 23–26 апр. 2014 г. / под ред. Т. Н. Золотовой, В. В. Слабодского, Н. А. Томилова, Н. К. Чернявской. В 3 ч. Омск, 2014. С. 59–72.

Живова Лилия Васильевна

Расписные дома в селах Солонешенского района, зафиксированные экспедициями Н. И. Каплан в 50-х гг. XX века 87

Золотова Татьяна Николаевна

«Светлое Христово Воскресение»: о традициях празднования Пасхи в Западной Сибири 96

Кабакова Наталья Васильевна

Без мужа жена всегда сирота 102

Касперович Галина Ивановна

Особенности этнического состава населения Республики Беларусь 107

Коляскина Елена Александровна

«Красный угол / бабья куть»: гендерная семантика пространства у русских старожилов и переселенцев Алтая во второй половине XIX — первой половине XX века 111

Коптяева Екатерина Андреевна

Брачные установки украинцев в российском городе на примере города Омска 118

Корнева Валерия Юрьевна

Источниковедческий анализ газеты «Dom Polski» национально-культурного центра «ЦПК „Дом Польский“ в Томске»: этнографический аспект 121

Крих Анна Алексеевна

Белорусизация в Тарском Прииртышье: механизмы учета населения и этнографическая «реальность» . . . 124

Куприянова Ирина Васильевна

Религиозная ситуация в среде старообрядцев Уймона в XX — начале XXI в. 128

Любимова Галина Владиславовна

Советская кампания по борьбе с почитанием святых мест как фактор трансформации традиционной структуры сельских территорий 131

Майничева Анна Юрьевна

Православные культы в русских старожильческих поселениях Тобольской и Енисейской епархий в начале XX века 136

Милюченков Сергей Алексеевич

Традиционные сельскохозяйственные сооружения легкого типа на территории Беларуси и соседнего зарубежья 141

Осерчева Ольга Николаевна

Православная Свято-Николаевская церковь села Красноярского на Иртыше (к 190-летию со дня основания) 145

Рублев Егор Анатольевич

«Мужские» масленичные традиции в Сибири 152

Селезнев Александр Геннадьевич, Селезнева Ирина Александровна

Новые практики освоения культурного ландшафта: сакральные пространства эпохи постмодерна 156

Трушкова Ирина Юрьевна, Титова Е. И.

Реконструкция повседневности старообрядцев Вятского региона по материалам «изустных» историй . . . 162

Фурсова Елена Федоровна

Причины и механизмы сохранения культурного многообразия русских сибиряков 165

Чернова Ирина Валерьевна

История и культура украинских переселенцев д. Новорождественка конца XIX— начала XX в. по архивным материалам 169

Шитова Наталья Ивановна

Деревенское «тырло» в Горном Алтае (вторая половина XX в.) 171

Щеглова Татьяна Кирилловна

Русские Алтая во второй половине XIX — XX столетиях: культурное многообразие и история формирования научных представлений о локальных группах (к проблеме создания классификации) 175